

Густая, словно чернила, тьма липла к векам и никак не желала отступить. В нос ударила смесь запахов подземной ржавчины и гниющей сточной воды — так резко, что отдавало прямо в макушку.

Се Цинь резко распахнул глаза.

Зрению понадобилось полсекунды, чтобы привыкнуть. Это был не салон плавно ехавшего такси из приложения, в котором он находился перед тем, как потерять сознание, а узкий, поразительно грязный коридор. Какого цвета когда-то были стены, уже невозможно было определить: их покрывал слой жирной грязи и густая сетка бессмысленных граффити. В стены были вмонтированы несколько жалких маломощных бра; плафоны треснули, а тусклого желтоватого света едва хватало, чтобы очертить неровный пол под ногами, весь липкий на вид. Воздух был влажным и холодным, тяжело давил со всех сторон; при вдохе лёгкие наполнял запах плесени и какой-то неопишуемой сладковатой крови.

«Бесконечный поток».

Едва это словосочетание возникло в голове, как одновременно раздался ледяной механический голос — без малейшей эмоции, напрямую резонируя в черепе:

□Добро пожаловать, игроки, в «Коридор тонкого тумана».□

□Текущая сцена: Кровавый отель (испытание для новичков).□

□Основная задача: выжить до пяти часов утра или найти «настоящий ключ» отеля.□

□Желаем приятной игры.□

Приятной? Се Цинь дёрнул уголком рта и машинально потянулся к поясу, но рука схватила пустоту. Оружие, которым он привык пользоваться, сюда вместе с ним не перенеслось.

Он быстро подавил лёгкий дискомфорт и острым взглядом осмотрелся впереди и позади. Коридор уходил в ещё более глубокую тьму, конца не было видно. По обеим сторонам тянулись двери гостиничных номеров со сбившейся нумерацией; таблички были перекошены, словно по ним с силой чем-то били. Людей, которые, как и он, внезапно очутились здесь, было человек семь-восемь. На лицах смешались ужас, растерянность и неверие. Кто-то уже не мог сдержать тихих всхлипов, и в мёртвой тишине коридора они звучали особенно жутко.

— Твою мать! Что это за место?! Розыгрыш, что ли?! — здоровяк с золотой цепью попытался пнуть соседнюю дверь. Полотно жалобно застонало под ударом, но не сдвинулось ни на миллиметр.

Се Цинь не обращал внимания на шум. Его взгляд остановился на не приметном углу в самом

конце коридора.

В тени сжалась человеческая фигура.

Он медленно подошёл. С близкого расстояния стало видно, что это юноша: он сидел в холодном углу, обняв колени, и слегка дрожал. Услышав шаги, юноша поднял голову.

Дыхание Се Циня едва заметно на миг остановилось.

Мутный свет лёг на это лицо — и будто насильно вырвал из грязного, мерзкого окружения ослепительный отблеск красоты. Черты были изящны почти до демоничности; кожа — холодно-белая, словно давно не видевшая солнца, зато губы алели. Уголки миндалевидных глаз чуть приподнимались, а сами глаза словно застилал лёгкий туман южных водных городков: влажные, полные паники и беспомощности, настолько красивые, что невольно хотелось пожалеть их обладателя и слишком легко забыть, какая опасность могла скрываться под этой чрезмерно прекрасной оболочкой.

Юноша смотрел на Се Циня, словно перепуганный зверёк, и чуть отодвинулся назад. Голос у него был тихим и мягким, с едва заметной дрожью:

— Я... я не знаю, как оказался здесь... Тут так темно. Мне очень страшно...

Се Цинь молча смотрел на него. Юноша казался таким хрупким, что мог переломиться от одного прикосновения. На нём была лишь тонкая белая рубашка и чёрные брюки; в этом промозглом холоде даже открытые кончики пальцев слегка покраснели.

Разум подсказывал Се Циню: в неизвестном опасном месте любое внезапно появившееся существо заслуживает настороженности.

Но страх в этих глазах выглядел слишком настоящим, а слабость — слишком убедительной.

Он снял свою куртку и протянул юноше. Его собственный голос прозвучал неожиданно ровно:

— Надень. Иди со мной.

Юноша замер. В глубине его глаз стремительно промелькнула едва заметная, почти неуловимая эмоция, но тут же исчезла под ещё более явными зависимостью и благодарностью. Он осторожно принял всё ещё хранившую тепло Се Циня куртку, завернулся в неё и тихо сказал:

— Спасибо... Меня зовут Шэнь Юй.

— Се Цинь.

Он представился предельно кратко и протянул руку, помогая Шэнь Юю подняться. Ладонь юноши была пугающе холодной; кончики пальцев слегка дрогнули в его руке.

— Не отставай.

...

Исследование отеля душило. Время словно растянулось, и каждая минута, каждая секунда проходила в такт ударам сердца.

Казалось, коридор никогда не закончится. Из-за дверей порой доносилось леденящее кровь царапанье и невнятное бормотание. Свет бра время от времени начинал яростно мигать, и в каждое мгновение смены света и тьмы казалось, будто тени оживают, извиваются и ползут к запаху живых.

Новички ломались очень быстро.

Женщина на высоких каблуках при первом же сильном мерцании света заметила на стене огромную промелькнувшую тень, закричала, вырвалась из группы и бросилась назад, пытаясь найти несуществующий выход. Её крик продлился лишь полсекунды, а потом оборвался так, словно невидимая рука резко зажала ей горло. Из темноты донеслось мерзкое чавканье, от которого сводило зубы, и тихое кап-кап падающей жидкости.

Все побледнели и застыли на месте.

Шэнь Юй, похоже, ужасно испугался этих звуков. Тихо вскрикнув, он машинально крепко вцепился в руку Се Циня и почти всем телом прижался к его боку; тёплое дыхание коснулось шеи Се Циня.

Тело Се Циня на мгновение одеревенело. Но юноша дрожал так сильно, что в конце концов он лишь незаметно сменил положение, ещё надёжнее прикрывая Шэнь Юя со стороны стены, и тихо сказал:

— Не оборачивайся.

Группа в мёртвой тишине пошла дальше.

Опасность исходила не только из темноты.

Когда они попытались открыть одну на вид совершенно обычную дверь номера, из щели вдруг вырвалось бесчисленное множество чёрных, жирно блестящих длинных волос, похожих на водоросли, и рванулось к голове стоявшего впереди человека! Скорость была невероятной!

Се Цинь оказался быстрее. Одной рукой он резко оттащил человека назад, а другой сорвал со стены расшатанный обломок ржавой металлической трубы и изо всех сил рубанул по извивающемуся комку волос.

— И-и-и-и!

Из-за двери раздался пронзительный, совершенно нечеловеческий визг. Волосы будто ударило током — они мгновенно втянулись обратно. Дверь с грохотом захлопнулась и снова затихла.

Спасённый человек без сил осел на пол; от него тут же потянуло мочой и калом.

Се Цинь отбросил обломок трубы. Его грудь слегка вздымалась, на висках выступил тонкий пот. Всё это время не отходивший от него Шэнь Юй легонько потянул за край одежды и протянул маленький чистый платок. Во взгляде читались тревога и запоздалый страх.

— Братец Се Цинь... ты не ранен?

Се Цинь не взял платок, лишь взглянул на него и покачал головой.

После нескольких подобных столкновений в живых осталось всего четверо. Отчаяние и подозрительность расплзались в молчании.

Наконец, свернув за угол, они увидели впереди тяжёлую двустворчатую деревянную дверь, резко отличавшуюся от дверей номеров. На ней тёмно-красной краской кое-как было выведено: □Комната дежурного□.

Ключ... неужели здесь?

Надежда вспыхнула вновь, и все ускорили шаг.

В тот самый миг, когда рука Се Циня почти коснулась дверной ручки, —

все лампы в коридоре разом погасли! Абсолютная тьма поглотила всё!

Исчез не только свет — словно высосало даже звуки. Тишина стала такой мёртвой, что Се Цинь слышал, как кровь с шумом мчится по его сосудам.

Со всех сторон без предупреждения хлынула настолько густая вонь, что подступила тошнота. Что-то холодное и скользкое бесшумно обвилось вокруг лодыжек и поползло вверх.

— Кх!

— Что это?! Отвали!

Рядом донеслась приглушённая борьба других выживших, будто им зажали рты и носы, а следом — тихий хруст сдавливаемых и деформирующихся костей. Звуки быстро слабели и вскоре совсем стихли.

Сердце Се Циня резко сжалось. Он с силой ударил кулаком перед собой, но попал в пустоту. Скользкое ощущение, словно въевшаяся в кости язва, ещё быстрее обвило руки, живот, поясницу и шею. Сила была чудовищной: кости жалобно застонали, а ощущение удушья приливной волной захлестнуло сознание.

Тьма стала густой, почти осязаемой.

Неужели он умрёт здесь?

Едва эта мысль возникла, как всё время тесно прижимавшийся к нему сзади Шэнь Юй, которого тоже опутало нечто во тьме, вдруг очень тихо и медленно рассмеялся.

Этот смех совершенно не походил на его привычный мягкий и робкий голос. В нём звучали ленивое любопытство, сытое удовольствие человека, только что проснувшегося после скучной дремы, и... капля ледяного безумия.

— Как шумно...

Се Цинь почувствовал, как сковывавшая его холодная хватка резко застыла и даже немного ослабла.

А затем снова прозвучал голос Шэнь Юя — всё такой же красивый, но тон полностью изменился. Теперь в нём были холодное безразличие и жестокость существа, глядящего сверху на муравьёв:

— Кто позволил вам...

За спиной Се Циня вспыхнул слабый, странно прекрасный алый свет, едва очертив профиль Шэнь Юя.

Кажется... он выпрямился.

— ...трогать моего человека?

Последние слова сорвались почти невесомо, но прозвучали как абсолютный приказ.

Вум-м-м —

От Шэнь Юя во все стороны взорвалось неописуемо страшное давление и, подобно цунами, прокатилось по всему коридору!

Густая, непроглядная тьма будто была грубо разорвана невидимыми руками и взвыла, словно рвущаяся ткань. Скользкие щупальца, обвинившие Се Циня, словно бросили в адское пламя: они пронзительно завизжали, мгновенно почернели, обуглились и рассыпались в пепел!

Темнота отступила приливной волной. Бра с треском зажигались одно за другим, причём их свет стал даже устойчивее и ярче прежнего, отчётливо освещая всё вокруг.

Се Цинь пошатнулся, упёрся рукой в стену и закашлялся, жадно хватая воздух. Потом резко поднял голову.

От увиденного его зрачки сузились.

Шэнь Юй стоял посреди коридора, всё ещё завернувшись в его куртку. Поза стала свободной, от прежнего образа слабого и зависимого юноши не осталось и следа. Вокруг него клубилась почти материальная чёрная злобная энергия — тонкими струями, несущими предвестие смерти и несчастья. В миндалевидных глазах, всегда затуманенных влагой, теперь не было ни капли дымки. На их дне лежал бездонный омут, в котором бурлили насмешка, безумие и почти нечеловеческая жестокость.

А на полу коридора лежали ничком бесчисленные уродливые, искривлённые тени. Они дрожали, прижимая головы к грязному полу, и единым голосом, полным предельного ужаса, гудели:

— Хозяин-и-и...

В их голосах смешались унижение и благоговение.

Но Шэнь Юй даже не удостоил их взглядом. Он смотрел только на Се Циня, и в его безумных ледяных глазах вдруг появилась предельно сосредоточенная, извращённая заинтересованность, словно Се Цинь был уникальной и необыкновенно забавной игрушкой, случайно найденной им за бесконечные годы существования.

Он шаг за шагом подошёл к Се Циню — грациозно, но с убийственным давлением.

Холодные, будто лишённые всякого тепла пальцы нежно провели по щеке Се Циня. В этом движении была пугающая ласковость.

— Се Цинь, — тихо рассмеялся он. Голос был мягким, словно шёпот любовника, но окружавшие их чудовища от него задрожали ещё сильнее. — В этой бесконечной игре...

Он наклонился, приблизился вплотную. Алые губы изогнулись в ошеломляющей улыбке, а дыхание несло холод глубин преисподней.

— Давай ты будешь играть со мной всю жизнь, хорошо?

Дыхание Се Циня ещё не успело полностью успокоиться. Сердце тяжело и мощно билось о рёбра. Он смотрел на это способное затмить весь мир прекрасное лицо, на безумие в глазах, готовое выплеснуться наружу и поглотить человека.

На несколько мгновений воцарилась мёртвая тишина.

А потом Се Цинь вдруг улыбнулся. Это была не улыбка страха или отчаяния, а предельное, почти острое возбуждение и... вызов.

Он резко перехватил руку Шэнь Юя, лежавшую у него на щеке, и с огромной силой сжал запястье — холодное, словно нефрит.

А затем, под взглядами тысяч чудовищ, почти готовых рухнуть от ужаса, опустил голову, раскрыл рот и с силой впился зубами в чуть приподнятые холодные пальцы Шэнь Юя. Зубы вошли в плоть, и на языке почти почувствовался едва заметный, нечеловеческий привкус ржавого железа.

Се Цинь поднял глаза и встретился с резко потемневшим взглядом Шэнь Юя, в котором закрутилась пугающая воронка. Его голос был хриплым, но твёрдым и властным, не допускающим возражений:

— Разве одной жизни достаточно?

Он укусил ещё сильнее, глядя на своего бога, словно закалённый в огне клинок.

— Я хочу... вечность.